



Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 491-498, 2015
<http://bg.sutr.ru/>



UDC 94

Russia's Territorial Size as a Concept for Domestic Politics: Territory, Military Strength and Form of Government in 18th century Russian Political Thought

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Russian Federation
Prospekt Lenina 51, Ekaterinburg, Sverdlovsk Region 620002
Dr. (History), Researcher
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract

The actual article deals with the issue of Russia's territorial size as an argument in 18th century political debate on domestic affairs. The early 18th century authors, like Feofan or V. N. Tatishchev, were arguing that Russia's monarchical form of government, military strength, and control over vast territory are interconnected, and that such beneficial interconnection could be proved with the historical examples. Such attitude first appeared as a rhetorical borrowing from the Western tradition, yet it soon was tested in an actual debate following the political crisis of 1730. After that, the territorial arguments in favor of Russian monarchy became a cornerstone of a wide intellectual tradition. Therefore, to challenge the monarchical form of government in Russia, radical thinkers and writers had to deal mainly with historical arguments on military power and territorial control.

Keywords: form of government, monarchy, republic, Russian Empire; V.N. Tatishchev, Feofan Prokopovich, territorial size.

Введение

Американский специалист по российской истории Д. Гриффитс в знаменитой статье «Екатерина II: императрица-республиканка» отмечал: «В Европе в XVIII веке было широко распространено убеждение, что политическая структура государства должна соответствовать его особенностям, и одним из наиболее важных факторов признавался размер государства. Лучше, чтобы крупными государствами управляли монархи или деспоты, а республиканские черты больше подходят меньшим образованиям» [1]. Гриффитс затрагивает важное для российской политической мысли противопоставление республики и монархии по их территориальной протяженности и военной мощи. Ниже я постараюсь показать, насколько важным это противопоставление было для политической мысли российского XVIII в.

Методы и материалы

Секуляризация политического пространства в России рубежа XVII–XVIII вв. привела к тому, что российская элита начала использовать глоссарий форм правления в политическом творчестве. Это, в свою очередь, означало появление в центре внимания категории пространства, которая практически не волновала мыслителей допетровской России [2].

Несмотря на то, что в своем исходном – античном – варианте глоссарий форм правления не предполагал ни прямой связи с территориальными характеристиками государства, ни с их военной мощью (хотя, как отмечено выше, республики считались более мощными в военном отношении, нежели монархии), к XVI в. для целого ряда авторов эта связь стала аксиомой. Так, Самуэль Пуфендорф писал в трактате «De jure naturae et gentium» (1672) о том, что более крупные государства с рассеянным по территории населением должны быть монархиями [3]. Аналогично высказывался и Монтескье в трактате «О духе законов» (1748), резюмируя свои идеи о разложении форм правления при изменении территориальных размеров государства [4].

Идея о военном превосходстве монархии и ее предрасположенности к территориальному расширению может считаться одним из общих мест в политической философии Нового времени. Такие рассуждения можно встретить, например, в «Institutions Politiques» барона Бильфельда [5], которые пользовались в России вниманием и, в частности, послужили источником материала для «Наказа» Екатерины II. В начале трактата Бильфельд, говоря о сравнительных преимуществах различных форм правления, прямо указывает на военное превосходство монархий, где приказы отдаются быстрее и выполняются лучше, чем в республиках, а также на стремление народов – как древних, так и современных – к единоначалию во время войны. И хотя Бильфельд предостерегал своих читателей о том, что даже самые могущественные монархи Государи не должны презирать могущества республик (ссылаясь, прежде всего, на пример Римской республики!), он все же решительно отказывал республикам в способности к расширению и удержанию пространственных территорий. А уж демократические республики «должны принять за достоверное правило, что их участь не та, чтоб возвышаться <...> что политическая машина, составленная из толикаго множества малых пружин, всечасно разстроивается, и не может никогда произвести великаго действия. И так демократическая республика должна предполагать себе предметом сохранение свое, а не увеличение». Таким республикам лучше всего соблюдать нейтралитет, чтобы «не впасть в нещастие той овцы, которая договор со львом заключила» [6].

Разумеется, были и исключения: например, такой влиятельный автор, как Эмер де Ваттель, рассуждал о «силе» наций во время войны, не делая никаких различий в отношении формы правления [7]. В свою очередь, республиканский аргумент всегда мог быть оживлен с помощью греко-римских исторических примеров (о них, как видно из цитаты Бильфельда, никогда полностью не забывали). Как бы то ни было, российские элиты, используя заимствованный из Европы глоссарий форм правления в своей политической деятельности, столкнулись с проблемой территориальной протяженности и военного могущества, присущими той или иной форме правления. Поэтому я считаю важным обратиться к проблематике бытования в российской политической мысли концептов пространства и формы правления.

Обсуждение

Именно эта проблема оказалась в центре внимания архиепископа Феофана (Прокоповича), который был прекрасно знаком с глоссарием форм правления. Его «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича» (1716) было в значительной степени посвящено различиям между формами правления. Восхваляя «правительство монаршеское и наследуемое», Феофан ссылаясь на многочисленность исторических примеров (от древних Ассирии, Египта и Израиля до современных Феофану держав) монархического правления. Напротив, примеров республиканской формы правления («речи посполитой») в истории Феофан находит немного и подробно на них останавливается.

«Речь посполитую Польскую» Феофан критикует («вемы, яко крепкое было государство в строю монаршем; не вельми ж еще давно златые оныя узы на себе растерзало, и не мое есть рассуждати, не от начала ли широты нынешней начало оскудевати и утесняемо быти»), тогда как «речью посполитой Венецианской» – восхищается (в полном соответствии с классической традицией политической философии Ренессанса). Однако Венеция представляет собой «тело не великое, в едином граде заключенное»; республика, таким образом, пригодна только для маленьких городов, зачастую зависимых от военной мощи соседних монархий. Наряду с Венецией Феофан перечисляет среди таких республик «речь посполитую Генуанскую», «конфедерацию бельгийских ординов»¹, «шванцарскую аристократию» и «ансатские свободные города»². Брешь в аргументации создает «древняя речь посполитая Римская», которая успешно сокрушала своих соседей (среди которых были и монархии), но, по словам Феофана, «о ней же особенные бяху судьбы Божии». К тому же и Римская республика, расширив свои пределы, оказалась подвержена бесконечным гражданским войнам и в итоге «паки в вид монаршеский претворися».

Итак, республики и избираемые монархии являются более слабыми в военном отношении и менее способными удерживать обширную территорию, чем наследственные монархии. Доказав при помощи исторических аргументов превосходство наследственной монархии перед республиками и монархиями выборными, Феофан заключал: «Но что паче всех памятно имать быти в елекциональных державах – великим и частым несогласиям и раздорам место. <...> Всякому бо желательно есть государствати; аще же ни, обаче всяк негодует служити тому, которому вчера друг равный или и суперник был равносильный, чим деется, что многажды с стороны позывают на престол свой, да бы поне равнии в равенстве прибыли».

Это утверждение Феофан соотносит с российской историей: «Как бо немощная была Россия от смерти великаго Владимира, егда аще и не иссякл был род самодержца оного, обаче самодержески

¹ Феофан, прекрасно зная латинский язык, использовал для обозначения Соединенных Провинций принятое для международных трактатов того времени латинское наименование правящего представительного органа республики – Генеральных штатов: *Ordines Generales Foederatarium Belgii Provinciarum*.

² Имеются в виду вольные и ганзейские города Священной Римской империи.

скипетр на части поломан (что самое было монархии пресечение)! <...> Пресече ток крове царствующия Годуново властолюбие, паки мятеж, паки кровопролития, паки разорения! Но возврати паки милость свою господь, воскреси умершее блаженство наше» [8].

Подобный взгляд на российскую историю, безусловно, опирался на традицию, но одновременно оказался новаторским – сведения «Степенной книги» теперь осмыслились в категориях «форм правления». Важно подчеркнуть, что сам Петр I, по-видимому, смотрел на российскую историю в подобных категориях – об этом говорит сделанный императором черновой набросок предисловия к Морскому регламенту: «Хотя всем есть известно о монархии Российской и ея початии, и что далее деда князя Владимира правдивой истории не имеем; но оставя сие историкам, возвратимся к состоянию. Оный вышереченный Владимир как владычествовал и храбростию своею зело славен был, но паче прославился приведением своего отечества от тьмы идолопоклонства к свету Христовой веры. Но основав оную, вместо назидания и укрепления, яму к падению учинил, егда сынам своим на 12 частей сию монархию разделил <...> Потом варвары, видя сию махину разсыпанную, тако начали беспокоивать, что едва не всю под свою область привели. И ежелиб милосердый Господь не воздвиг великаго князя Ивана Васильевича, то паки бы в идолатство пришли, или бусурманство; который Владимирово вредное дело исправил и расточенную махину паки в гору собрал <...> Но потом, когда сия линия пресеклась злодейством Годунова, тогда через смятение едва паки к падению не пришла, которую дед наш подобными первых дел трудами очистил и успокоил» [9]. Позднее этот петровский набросок был превращен Феофаном в обширный текст, опубликованный в 1720 г. в составе Морского устава. Новаторский характер исторического аргумента, который использовали Петр I и Феофан, понятен лучше, если сравнить его с написанным примерно в то же время «Ядром российской истории» А. И. Манкиева (1715, опубликовано в 1770). Манкиев в соответствии с допетровской историографической традицией сообщает о разделении государства Владимиром в спокойном тоне и никак не связывает его с татарским завоеванием Руси [10]. Как бы то ни было, уже к 1716 г. Феофан располагал исторической аргументацией, позволявшей обосновать связь между формой правления, военной мощью и способностью удерживать обширную территорию.

Если в 1716 году рассуждения Феофана о сравнительной силе республики и монархии были по преимуществу риторическим заимствованием, а основной целью было восхваление «монаршего чадородия», то кризис 1730 г. сделал исторические аргументы Феофана основанием для агитации в пользу монархической формы правления уже в условиях реальной атаки на монархию. Так, 28 апреля 1734 г. Феофан в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны» утверждал, что «многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, прозванное от Философов Еллински монархия и монархия: а прочия правления формы, или образы, то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое Аристократия, или всенародное зовомое Демократия, и другия из них составы, творимыя, были бы у нас не без бедствия» [11].

Это утверждение поддерживается уже знакомыми аргументами. Так, «в древнем Израильском народе, в котором едином было благочестие, хотя и пресекомое, держава была монаршеская, как оно тамо правительство переделалось на аристократию, то и к концу преклонилось». От библейской истории Феофан переходил к истории российской, вновь используя уже знакомые исторические примеры – разделение государства Владимиром и Смутное время. По словам Феофана, со времен Рюрика и до смерти Владимира Россия оставалась монархией, благодаря чему была славной и могучей. Однако затем единое государство распалось на малые княжества: «Хотя же и были те яко бы монархии, хотя звания того недостоинны, но тело всея России принял на себе вид, аки бы аристократии». Как и любую аристократию, Россию поразили гражданские войны, а затем – иноземное нашествие. Лишь божественная милость позволила России воспрянуть благодаря возвращению монархической формы правления: «Дело естественное, премудрым промыслом произвел: отставил то, чем мы прежде были крепки и сильны: упразднил многоначалие, а велел быть самодержавию... Сей правительства образ, а не иной твердых нас делает». В результате «сильна стала Россия, когда самодержавной власти подчинила себя» [12].

Но даже такой горький опыт, по мнению Феофана, «безспокойных голов не научил, как свое добро и зло познавати в самом крепком возмужавшей России возрасте», и государство ждало новое испытание в годы Смуты: «По истреблении растриги, похотелось было неким неединоличнаго начальства верховнаго: избирая на царство Князя Василия Шуйскаго, склонили, или понудили его несамодержавным быти», после чего «вторгнулась в Россию Аристократия» (Феофан творчески переосмыслил старый сюжет о греховной клятве царя Василия Шуйского как «присягу», ограничившую власть монарха и изменившую форму правления). «Многоначалие» вновь пагубно сказалося на военной мощи России, однако страну вновь выручило божественное вмешательство и возрождение монархии [13].

Приведенные исторические примеры позволили Феофану перейти к заключению – актуальным событиям 1730 г.: «Се и в недавняя годы, когда неким похотелось правительства Шуйскаго, что с нами быти имело, не трудно всякому рассудити. Но се ... Бог, подобною древним своим милостям милостию, наступившее оно бедство прогнал, умирающей монархии оживлением, вручив самодержавный скипетр ... Анне» [14].

Аналогичная аргументация присутствует и в принадлежащей Феофану «Истории о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостоинной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержцы всероссийской». В 1730 г. речь шла «о перемене формы или образа царствования», и о том, что «господа верховные иной некой от прежняго вид царствования устроили» – «сковническое торжество или насильство, которая Олигархия у Еллинов именуется». Феофан ссылаясь на исторические примеры, доказывая: «затейка» верховников приведет к тому, что «Россия возимет скарденное оное лице, каковое имела прежде, когда на многия княжения расторгнена бедствовала <...> понеже Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетьством храним быть может. А если каковое нибудь иное владение правило восприимет, содержатья ему в целости и благосостоянии отнюдь не возможно» [15].

Сходную аргументацию в пользу монархии использовал и В. Н. Татищев, который тоже был хорошо знаком с глоссарием форм правления. Например, в «Истории Российской» он писал о трех формах правления – монархии, аристократии, демократии – со ссылкой на труды Х. Вольфа. Аристократия, по мнению Татищева, не годится для России, что доказывается катастрофическим падением обороноспособности и разрушительными вторжениями иноземцев.

Татищев соотносит «формы правления» с геополитическими и территориальными характеристиками государства: «В единственных градех и малых областях полития или демократия удобно пользу и спокойность сохранить может. В величайших, но от нападений не весьма опасных, яко окруженны морем или непроходимыми горами, особливо где народ науками довольно просвясчен, аристократия довольно способною быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют. Великия же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвясчен и более за страх, нежели от собственного благонравия, в должности содержатся, тамо оба первые не годятся, но нужно быть монархии...» Об этом, по мнению Татищева, говорят исторические примеры: греческие и римские республики сохраняли силу и славу до тех пор, пока не начали расширять свои границы. В свою очередь, мощь великих древних монархий (Ассирии, Египта, Персии, Рима и Македонии) прходила в упадок, когда подданные ради своего властолюбия уменьшали власть государей [16].

Аналогичные идеи Татищев использовал в «Произвольном и согласном разсуждении и мнении собравшегося шляхетства русского о правлении государственном», дополнительно подчеркивая: «Издrevле утвержденные республики в случаях опасных и трудных монархию вводят хотя и на время, знатно довольно видя, что монархическое правление полезнее» [17]. В «Лексиконе» Татищев, говоря о демократии, не преминул отметить: «Чим такое владение пространнее, тем более бедам подвержено» [18].

Говоря о наиболее подходящей для России «форме правления», Татищев обращается к тем же примерам из истории России, что и Феофан – кризисным моментам после правления Владимира и в период Смутного времени. Так, в своей «Истории», говоря о Владимире Мономахе, он отмечал: «Сей Владимир вшед на престол Киевский, государство Российское, яко республику бедствующую и разоренную от несогласия и убивства междоусобнаго наследников Владимира Великаго самодержца Русаго, мышцею своею от погибели воздвиг, и укротив несогласныя языки, все княжения во едино тело совокупив, в Монархию или самодержавство паки привел, того ради силен был всем неприятелям». И лишь при Иване III монархическое правление возродилось, после чего восстановленное «самовластное правление» продержалось до 1614 г., до избрания царем Василия Шуйского. Но при избрании Шуйского вельможи «к великому государственному вреду вымыслили взять на него запись, которою вся власть отнята, а поручена в совет Сената». После лишения Шуйского власти правление и вовсе стало аристократическим. По этой причине государство чуть не распалось на части и едва не было захвачено поляками, «из чего всяк может видеть, сколь монархическое правление государству нашему протчих полезнее, чрез которое богатство, сила и слава государства умножается, а чрез протчее умалается и гинет» [19].

Как и Феофан, к двум историческим сюжетам – распаду Киевского государства и Смутному времени – Татищев добавляет третий, из недавнего прошлого. После успешного правления Алексея Михайловича и Петра I, политическая борьба вспыхнула с новой силой в 1730 г., когда «фамилии римских брутусов» попробовали лишить Анну Иоанновну власти [20].

Представление о связи между формой правления, военной мощью и контролем над территорией утвердилось в России к середине XVIII в., постепенно превратившись в общее место. Так, императрица Екатерина II в одной из своих записок заявляла – в полном соответствии с интеллектуальными поисками первой половины XVIII в.: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской империи требует, чтобы государь ее был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников» [21].

К середине XVIII в. территориальный аргумент начал приобретать неприятные коннотации из-за популярности Монтескье. Французский мыслитель обновил набор форм правления, выделив вместо трех форм четыре: демократию, аристократию (объединенные под именем республики),

монархию и деспотию. В сложной социологической системе Монтескье, которая учитывала, кроме прочего, «движущий принцип» каждой из форм, подходящий ей климат и территориальный размер, наиболее крупные державы – это деспотии, которые коренным образом отличаются от монархий. Теперь, в интерпретации Монтескье, территориальный аргумент намекал на то, что Россия – это не монархия, но деспотия.

Неудивительно поэтому, что именно в России это положение Монтескье подверглось критике. Например, с Монтескье не соглашался Ф. Штрубе де Пирмон, который посвятил сочинение «Lettres Russiennes» (1760) полемике с французским мыслителем [22]; при этом Екатерина II, лично делавшая пометки на страницах книги Штрубе, подвергла его аргументы критике, заметив: «Столь великая империя, как Россия, погибла бы, если бы в ней установлен был иной образ правления, чем деспотический, потому что только он один может с необходимой скоростью пособить в нуждах отдаленных губерний, всякая же иная форма парализует своей волокитой деятельность, дающую всему жизнь» [23].

Как бы то ни было, аргумент о военном могуществе монархии и присущем ей эффективном контроле над территорией оставался доминантой российской общественной мысли XVIII в. – вне зависимости от того, разделял или нет конкретный автор деспотию и монархию вслед за Монтескье. Высшие сановники России, вне зависимости от взглядов на конфигурацию административных структур, считали монархию, единоначалие, залогом могущества Империи. Так, Н. И. Панин в представленном Екатерине II проекте создания Императорского совета, жестко критиковал Сенат, неспособный играть роль ведущего административного органа в громадном государстве [24]. Спустя почти сорок лет аналогичное мнение о необходимости монархии для России высказал сменивший Панина в роли ведущего администратора князь А. А. Безбородко [25].

Заключение

С формированием в России начала XVIII в. российская элита освоила компаративный политический язык, в котором форма правления, военная мощь и территориальная протяженность были связаны между собой. Этот аргумент с опорой на исторические примеры доказывал связь между монархической формой правления, военной мощью государства и его пространством: только монархия способна вооруженной рукой удерживать обширную территорию.

Однако, интерпретируя республиканские заявления Екатерины II в духе приведенной в начале статьи цитаты из Гриффитса, мы рискуем не заметить греко-римский контекст, с которым такие заявления были связаны. Монументы в Царском селе напоминают о военной мощи монархии и триумфе над врагами, однако Морейская колонна в дворцовом парке, посвященная победам Ф. Г. Орлова в Архипелаге, описывает доблесть российских воинов с помощью цитаты из Геродота: «Не спрашивали, многочислен ли неприятель, но где он». Но у Геродота спартанский эмигрант (и бывший царь) Демарат с помощью этих слов описывает персидскому царю Ксерксу боевой дух своих соотечественников – граждан республики...

Характеризуя республиканизм, Гриффитс игнорирует влиятельную традицию «классического республиканизма» или «гражданского гуманизма», в рамках которой военное могущество и динамичный экспансионизм включались в число сильных сторон республиканского политического устройства [26]. Фундаментом для этого выступали исторические примеры – прежде всего, из истории Римской республики; как мы видели, римский пример в равной степени смущал и архиепископа Феофана, и барона Бильфельда.

Соответственно, развитие республиканской традиции в российской политической мысли XVIII–XIX вв. вряд ли было связано с попытками сделать выбор между экономическим процветанием (подобно маленьким, богатым республикам) и имперской экспансией (подобно обширным монархиям). Напротив, развитие республиканизма предполагало аргументацию в пользу того, что именно республиканский политический строй лучше отвечает положению России как обширной империи. Это, в свою очередь, требовало переосмысления исторических примеров и создания альтернативной исторической традиции.

Так, М. М. Щербатов, полемизируя с Монтескье в «Примечаниях» на наказ Екатерины II, опирался на исторический пример Римской республики: «Чтобы великое государство требовало необходимо самодержавной власти, сие есть проблема, еще принадлежащая к решению <...> Римская республика пример нам ясный поставляет. Она, не взирая на свое пространство, не токмо правила отдаленными странами, содержала в тишине и спокойстве вновь покоренные народы, но еще ежедневно и свои области расширяла» [27]. А в утопическом сочинении «Путешествие г-на С... швецкаго дворянина в землю Офирскую» придуманная Щербатовым Офирская империя, лежащая в Антарктиде, территориально равна России, однако являет собой ограниченную монархию, опирающуюся на добродетель и закон [28]. На рубеже 80 – 90-х гг. XVIII в. эта традиция получит развитие в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Вадиме Новгородском» Я. Б. Княжнина – оба текста использовали республиканский политический глоссарий и, в частности, описывали военное превосходство республик: у Княжнина это – древний Новгород, у Радищева – армия американского Континентального конгресса [29]. Впоследствии эта традиция получит развитие в декабристских проектах.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации Программы развития УрФУ.

Примечания:

1. Гриффитс Д. Екатерина II: императрица-республиканка // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: НЛЮ, 2013. С.78-79.
2. Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009.
3. Samuelis Pufendorffii De jure naturae et gentium libri octo. L., 1672. VII, 5, 22.
4. Монтескье Ш. О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Гослитиздат, 1955. Кн. 8, гл. XX.
5. Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. A la Haye, 1760. P. 25.
6. Наставления политические барона Бильфельда. Т. 2. М.: Тип. Моск. ун-та, 1775. С. 55-57.
7. Vattel E. The Law of Nations. Philadelphia, 1883. P. 291-301.
8. Феофан Прокопович. Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича // Прокопович Ф. Сочинения. М., 1961. С. 41-42.
9. Петр I. Рассказ Петра о начале кораблестроения в России. Предисловие к Морскому регламенту // Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 2. Потешные и Азовские походы. СПб., 1858. С. 397-398.
10. Ядро российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М.: Императорский московский университет, 1770. С. 64.
11. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны // Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. III. СПб., 1765. С. 193-196.
12. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации... С. 198-204.
13. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации... С.207-208.
14. Феофан Прокопович. Слово в день воспоминания коронации... С. 214.
15. Феофан Прокопович. История о избрании и восшествии на престол блаженной и вечнодостойной памяти государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всероссийской // Сын отечества, 1837. Ч. 184. Отд. 2. С. 34, 53.
16. Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. С. 362.
17. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979. С. 257.
18. Татищев В. Н. Произвольное и согласное разсуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном // Татищев В. Н. Избранные сочинения. Л.: Наука, 1979. С. 120.
19. Татищев В. Н. История Российская... С. 366-367.
20. Татищев В. Н. История Российская... С. 368.
21. Екатерина II. Собственноручная заметка Екатерины II о попытке Долгоруких в 1730 г. ограничить власть самодержавия // Русская старина, 1875. Т. 12. № 12. С. 388.
22. Польской С.В. «На разные чины разделяя свой народ...». Законодательное закрепление сословного статуса русского дворянства в середине XVIII века // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51, № 2-3. P. 303-328.
23. Заметки Екатерины II на книгу Штрубе де Пирмонта «Lettres Russiennes». 1760-1761 // Екатерина II. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 64.
24. Бумаги, касающиеся предположения об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты в первый год царствования Екатерины II. (28-го декабря 1762 года) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1871. Т. 7. С. 200-221.
25. Безбородко А. А. Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив, 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 297.
26. Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1979.
27. [Щербатов М. М.] Замечания на «Большой Наказ» Екатерины // Щербатов М.М. Неизданные сочинения. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 22.
28. Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки Офирской утопии князя М.М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2006. № 47, вып. 12. С. 275-291.
29. Бугров К. Д. «Вольность, дар бесценный»: о формировании республиканской концепции политической свободы в России конца XVIII в. // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 117-127.

References:

1. Griffiths D. Catherine II: the Republican Empress // Griffiths D. Catherine II and her World: the Papers of Different Years. M.: NLO, 2013. P. 78-79.
2. Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1979.
3. Antonov D. I. The Time of Troubles in the Culture of Medieval Russia. The Evolution of Ancient Russian Mythologems in the Literary Culture of early 17th century. M.: RSHU, 2009.
4. Samuelis Pufendorfii De jure naturae et gentium libri octo. L., 1672. VII, 5, 22.
5. Montesquieu Ch. The Spirit of Laws // Montesquieu Ch. Selected Works. M.: Goslitizdat, 1955. Book 8, ch. XX.
6. Institutions Politiques par Monsieur Baron de Bielfeld. T. I. A la Haye, 1760. P. 25.
7. The Political Institutions of Baron Bielfeld Бильфельда. Vol. 2. M.: Moscow University, 1775. P. 55-57.
8. Vattel E. The Law of Nations. Philadelphia, 1883. P. 291-301.
9. Feofan Prokopovich. An Appraising Word in the Day of Birth of the Noblest Lord Czarevich and Grand Duke Pavel Petrovich // Feofan Prokopovich. The Works. M., 1961. P. 41-42.
10. Peter I. Peter's Tale of the Beginning of Shipbuilding in Russia. A Prologue for the Naval Reglment // Ustryalov N. The History of Peter the Great's Reign. Vol. 2. SPb., 1858. P. 397-398.
11. The Nucleus of Russian History, written by former stolnik and resident in Sweden prince Andrey Yakovlevich Khilkov, for the Use of Russian Youth, and Published for All Interested to Learn Russian History in Short. M.: Moscow University, 1770. P. 64.
12. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation of Empress Anna Ioannovna // Feofan Prokopovich. Words and Speeches. Vol. III. SPb., 1765. P. 193-196.
13. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation... P. 198-204.
14. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation... P. 207-208.
15. Feofan Prokopovich. A Word for the Day of Remembering the Coronation... P. 214.
16. Feofan Prokopovich. The Story of Election and Enthroning of the Empress Anna Ioannovna, Autocrat of All the Russias // Son of Fatherland, 1837. Vol. 184. Ch. 2. P. 34, 53.
17. Tatischev V. N. Russian History. Vol. 1. M.: Ladomir, 1994. P. 362.
18. Tatischev V. N. Russian Historical, Geographical, Political and Civil Lexicon // Tatischev V.N. Selected Works. L.: Nauka, 1979. P. 257.
19. Tatischev V. N. The Discourse of Russian Nobility on the State Government // Tatischev V.N. Selected Works. L.: Nauka, 1979. P. 120.
20. Tatischev V. N. Russian History... P. 366-367.
21. Tatischev V. N. Russian History... P. 368.
22. Catherine II. The Notice of Catherine II on the Attempt of Dolgorukie to Curb the Power of Autocracy in 1730 // Russkaya Starina, 1875. Vol. 12. № 12. P. 388.
23. Polskoy S. V. «Divide the People into Different Estates...» The Legal Confirmation of Estate Status of Russian Nobility in the middle of 18th century // Cahiers du Monde Russe. 2010. Vol. 51, № 2-3. P. 303-328.
24. Catherine II's Notices on Strube de Piermont's book «Lettres Russiennes». 1760 - 1761 // Catherine II. Selected Works. M.: ROSSPAN, 2010. P. 64.
25. The Papers Regarding the Establishment of the Imperial Council and the Division of Senate into Departments of the 1st Year of Catherine II's Reign (28th December 1762) // The Collection of Russian Imperial Historical Society. SPb.: Academy of Sciences, 1871. Vol. 7. P. 200-221.
26. Bezborodko A. A. The Memoire of Prince Bezborodko Regarding the Needs of Russian Empire // Russian Archive, 1877. Book 1. Vol. 3. P. 297.
27. [Shcherbatov M. M.] The Notices on 'Grand Instruction' of Catherine // Shcherbatov M. M. The Unpublished Works. M.: Socekgiz, 1935. P. 22.
28. Bugrov D. V. «Nadezhda» in Antarctica: the Riddles of Ophirian Utopia of Prince M. M. Shcherbatov // The Annales of Ural State University. Serie 2, Humanities. 2006. № 47, Vol. 12. P. 275-291.
29. Bugrov K. D. «Liberty, a Priceless Gift»: On the Formation of the Republican Concept of Liberty in Late 18th Century Russia // Quaestio Rossica. 2013. № 1. P. 117-127.

УДК 94

**Территориальная протяженность России как концепт внутренней политики:
территория, военная мощь и форма правления
в российской политической мысли XVIII в.**

Константин Дмитриевич Бугров

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация

Пр. Ленина, 51, Екатеринбург, Свердловская область, 620002

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению территориальной протяженности России как аргумента в дебатах XVIII в. о внутренней политике. Авторы первой половины XVIII в., такие, как Феофан (Прокопович) или В.Н. Татищев, доказывали, что монархическая форма правления, военная мощь и контроль над обширной территории связаны между собой и что благотворный характер этой связи может быть доказан историческими примерами. Опробованные в ходе кризиса 1730 г., территориальные аргументы в пользу российской монархии сделались фундаментом широкой интеллектуальной традиции. Таким образом, для того, чтобы бросить вызов монархической форме правления в России, радикальные мыслители должны были обращаться к историческим аргументам о военной мощи и контроле над территорией.

Ключевые слова: форма правления, монархия, республика, Российская империя, В.Н. Татищев, Феофан Прокопович, территориальная протяженность.